

Чтобы помешать ему совершить самоубийство, руки А'Аня были скованы у него за спиной, а его тело было приковано цепями к стене, так что он мог передвигаться лишь на небольшое расстояние.

Перед ним стояла особенная еда, и пока он хотел ее съесть, он мог просто наклониться и съесть ее.

Конечно, обычно никого не волновало, ест он или нет.

Когда его только что арестовали, он страстно желал получить дозу яда, которая освободила бы его.

Если бы в это время перед ним поставили такое особенное блюдо, он съел бы его без колебаний.

А'Ань молча посмотрел на глиняную миску, стоявшую перед ним, в ней был обычный с виду суп.

Как и в случае с обычными блюдами, несколько овощных листьев плавали в супе и тихо застывали там.

Все должно быть кончено, это конец для теневого стража, сказал себе А'Ань.

Он прожил достаточно долго, было ли еще что-то, что он не мог отпустить, когда даже А'Ян уже не было в живых?

Он хотел опустить голову, но его шея почему-то оставалась напряженной.

Время проходило мало-помалу, и он не знал, чего именно ждет. Он только всегда смутно предчувствовал, что в глубине тюремного коридора рано или поздно раздастся скрип инвалидной коляски.

Это был просто человек, который не имел к нему никакого отношения, но по какой-то причине А'Ань всегда хотел увидеть его снова.

Он хотел увидеть человека, который всегда приходил к нему ночью, сидел в инвалидном кресле, смотрел на яркую луну за окном и молча слушал то, что он говорил. Возможно, то, что он сказал этому человеку за последние несколько дней, окажется больше того, что он когда-либо сказал за всю свою жизнь. Так что, по необъяснимой причине, ему хотелось поговорить с ним снова.

А'Ань горько улыбнулся: о чем я только думаю, оказывается, я еще более глуп, чем та дурочка А'Ян.

Знакомый и размеренный звук отчетливо раздался в камере. Это был звук колес деревянного инвалидного кресла, катящегося по каменному полу камеры.

А'Ань поднял голову, и в поле его зрения медленно появилась фигура, сидящая в инвалидном

кресле. Мужчина перегнулся через решетки камеры и посмотрел на него.

На этот раз он пришел не один, его сопровождали два человека, одним из которых была девушка А'Цзя, которая раньше пыталась его, а другим был Чэн Цяньюй, правитель Царства Цзинь.

Все трое открыли тюремную дверь и вошли в его камеру, рассматривая пленника, неподвижно сидевшего в тени.

"Что бы ни говорил господин Чжоу, такого убийцу из вражеской страны нельзя так просто отпускать." – сказала своему господину женщина по имени А'Цзя: "Мой господин, я считаю, то, что предложил господин Чжоу, абсолютно неприемлемо."

Чжоу Цыси выглядел очень смущенным, но все же спросил: "Этот человек имеет ко мне некоторое отношение, пожалуйста, простите меня. Он так долго пробыл в тюрьме нашей Великой Цзинь, что его хозяин больше не будет ему доверять."

Даже если вы отпустите его, он не сможет вернуться туда, где находился раньше.

Я дам ему немного денег, чтобы он смог уехать отсюда."

А'Цзя сказала: "Он - убийца, и, согласно обычной практике, даже если мы хотим сохранить ему жизнь, сухожилия на его руках должны быть перерезаны, а боевые искусства отменены."

"А'Цзя." - Чжоу Цыси выказал свое неодобрение.

А'Цзя в глубине души закатила глаза, чувствуя, что великодушие этой доброй матери выше даже милосердия Небес.

Позволить... мне уйти?

А'Ань, казалось, услышал только эти несколько слов.

Его взгляд невольно упал на миску с супом, который уже наполовину остыл перед ним.

Чэн Цяньюй опустилась перед ним на колени, некоторое время смотрела на него, а затем перевела глаза на миску с холодным супом.

Внезапно она протянула руку и забрала миску.

"А'Цзя, посмотри, есть ли с этим какие-нибудь проблемы?"

А'Цзя была немного озадачена, поэтому вытащила серебряную иглу и погрузила ее в суп в миске. Сверкающая серебряная игла мгновенно покрылась слоем угольно-черного цвета снизу доверху.

На этот раз А'Цзя на самом деле потеряла лицо. Она вышла из камеры и крикнула: "Все сюда!"

В тюрьму, за которую она отвечала, проникли вражеские шпионы, что заставило ее одновременно устыдиться и разозлиться.

Тюремщики поспешили отозваться на зов А'Цзя.

Чэн Цянь в камере посмотрела на оцепенелого юношу перед собой.

Эти люди были лишены своей природы с самого раннего детства, и стали смертоносными клинками для своих хозяев.

Они каждый день балансировали на грани жизни и смерти, и даже если они попадали в руки врага, их хозяин все равно никогда не забывал лишить их жизни.

"Мой господин." - Чжоу Цыси склонил голову и отдал честь: "Он просто человек, который потерялся в жизни. Не могли бы вы просто отпустить его?"

Некоторое время спустя А'Цзя вошла в камеру, опустилась на колени рядом с Чэн Цянь и признала себя виновной: "Мой господин, это моя вина. Я не должным образом выполняла свои служебные обязанности, и это позволило врагу проникнуть в тюрьму и попытаться отравить его."

Чэн Цянь протянула руку и коснулась ее головы.

Было ясно, что А'Цзя являлась живым человеком, но неизвестно, через какое бесчеловечное обучение она прошла, чтобы стать тем, кем она была сейчас: человеком, который постоянно носил на лице маску.

Чэн Цянь вздохнула: "Просто сделаем так, как просит господин Чжоу. Отпусти его."

А'Цзя замолчала, встала, разомкнула цепи на теле А'Аня и потащила его наружу.

А'Цзя было трудно сосредоточиться, и она чувствовала странное ощущение на своей макушке.

Господин только что коснулся этого места, и теплое чувство, казалось, осталось на ее макушке.

Она вывела заключенного из камеры, посадила его на стол для пыток и, держа его за руку, обнажила его бледное запястье, начав точить тонкий изогнутый нож.

Господин не стал меня винить, но прикоснулся к моей голове, что это значит?

А'Цзя продолжала прокручивать этот вопрос в своей голове.

В любом случае, она не хотела сердиться.

Она чувствовала, что ей всегда сопутствовала удача, и два ее господина были добрыми людьми.

Если бы она родилась в Государстве Сун, все могло бы быть совершенно по-другому.

А'Цзя взглянула на юношу, который был прикован к столу для казни.

Этот человек был примерно того же возраста, что и она, и его навыки были исключительными, но теперь его могла постигнуть только такая участь.

А'Цзя подняла лезвие в своей руке и направила его на тонкое запястье юноши.

После долгого ожидания она, казалось, была немного удивлена тем, что господин не остановил ее, и не смогла удержаться, чтобы не оглянуться на Чэн Цянье.

Чэн Цянье улыбнулась ей: "Забудь об этом, А'Цзя, разве ты тоже не чувствуешь себя немного неловко?"

А'Ань стоял под ярким солнечным светом, шум голосов и сияющее солнце на некоторое время ошеломили его.

Он ошеломленно смотрел на мужчину в инвалидном кресле перед собой.

Чжоу Цзыси вручил ему сверток: "Иди, не возвращайся в свою Страну Сун, уезжай далеко отсюда и живи за А'Ян".

А'Ань открыл рот, но не произнес ни слова.

Через некоторое время он протянул руку, взял сверток и поклонился до земли.

"Береги себя и живи хорошо." - сказал Чжоу Цзыси.

Через день или два наступил официальный день открытия женской школы, основанной Яо Тяньсян в Чжэнчжоу.

Чэн Цянье взяла с собой Чэн Фэна и других охранников, и вместе с Чжоу Цзыси отправилась поздравить Яо Тяньсян.

Чжэнчжоу всегда был оживленным торговым городом, куда съезжались торговцы со всего мира, и народные обычаи были относительно свободными.

Кроме того, женская школа была основана самой супругой правителя, что было равносильно официальному одобрению со стороны правительства. Поэтому в первый день было довольно много студенток, которые пришли записаться.

Имея опыт работы в Бяньцзине, Яо Тяньсян уже сделала достаточно много приготовлений, и, похоже, она прекрасно со всем справлялась.

"Тяньсян, мы возвращаемся в Бяньцзин, ты действительно планируешь остаться здесь, в Чжэнчжоу?"

Чэн Цянье держала Яо Тяньсян за руку, ей немного не хотелось расставаться с этим близким другом.

"Да." – с улыбкой признала Яо Тяньсян, посмотрела на оживленную сцену перед собой и сжала руку Чэн Цянье: "Пока меня не будет рядом, тебе следует быть осторожной. А'Цзя – надежная девушка, и мне спокойнее, когда она рядом с тобой, тем более она знает всю подноготную."

Чэн Цянье почувствовала себя немного виноватой.

Мо Цяошэн сейчас оккупировал область Фэнду, и его войска мобилизовали лошадей, указывая своими мечами на Ханьчжун, где находился Хань Цюаньлинь.

Но когда она вернется в Бяньцзин, она планировала напасть на две страны Сун и Вэй.

В конце концов, Тяньсян была принцессой Страны Вэй, и сейчас она, должно быть, стояла перед дилеммой, поэтому у нее не было другого выбора, кроме как избегать встреч с ней и оставаться в Чжэнчжоу, который находился далеко от поля боя.

По возвращении из женской школы, Чэн Цянье и Чжоу Цзыси ехали в одном экипаже.

"В женской школе Тяньсян дела идут хорошо." – Чэн Цянье раздвинула занавески и посмотрела на оживленную сцену за окном кареты: "Цзыси, может, нам тоже открыть несколько школ?"

"Мой господин имеет в виду императорскую школу Тайсюэ?" – ответил Чжоу Цзыси: "Теперь, когда столица перенесена в Бяньцзин, Тайсюэ на самом деле хорошо зарекомендовала себя, чтобы дети знатных семей могли учиться в столице."

"Нет, я говорю не о Тайсюэ, центральной государственной школе, которую посещают всего несколько человек." – Чэн Цянье махнула рукой: "Я думаю, мы должны поощрять людей организовывать больше частных школ. Послушай, Цзыси, наша страна становится все больше и больше, и нам нужно все больше и больше чиновников, чтобы управлять ею."

Но как нам найти эти таланты?

Мне не нравится нынешний способ приема на государственную службу, основанный на родственных связях. Все они дети знатных семей, а людям из бедных семей совершенно невозможно выделиться.

Я надеюсь, что удастся создать систему, которая будет способна стимулировать открытие большого количества частных школ в округе, и тогда мы будем регулярно проводить единый государственный экзамен для оценки этих учащихся."

Чэн Цянье посмотрела на Чжоу Цзыси и опустила руку: "Ты понимаешь, что я имею в виду? Таким образом, мы сможем выявить всевозможные таланты со всей страны, и власть будет сосредоточена не только в нескольких знатных семьях."

Даже культурный уровень людей в стране может быть в целом улучшен."

Глаза Чжоу Цзыси загорелись, когда он проследил за ходом мыслей Чэн Цянье: "Господин, эта идея действительно является стратегией на благо всех людей."

Если это так, то наша страна будет обладать неисчерпаемыми талантами.

Этот чиновник тщательно обдумает это, а затем доложит об этом господину."

Идея Чэн Цянье была одобрена Чжоу Цзыси, и она была очень довольна. Он похлопала его по плечу и собралась продолжить разговор.

Внезапно слышалась брань Чэн Фэна, впереди, казалось, возникла какая-то суматоха, и кавалькада остановилась.

Вскоре после этого Чэн Фэн доложил через окно кареты: "Мой господин, будьте осторожны, ничего серьезного, похоже, А'Цзя преследует убийцу."

Чэн Цянье приподняла занавеску.

А Цзя вернулась с окровавленным человеком и положила его на землю: "Убийца - тот самый Цзе, я пойду за ним."

Чэн Цянье выпрыгнула из кареты. На земле лежал юноша, которого она отпустила несколько дней назад.

В этот момент лицо юноши было бледным, сбоку на шее виднелась глубокая рана, а половина его тела была залита кровью.

Он все еще сохранял сознание, слегка приоткрыл глаза и посмотрел на Чэн Цянье и Чжоу Цзыси, которые подошел из-за ее спины.

"Что случилось?" - нахмурилась Чэн Цянье.

"Возможно, его хозяин решил не отпускать его."

Чэн Фэн присел на корточки рядом с юношей и перевязал его рану: "Рана неглубокая, его еще можно спасти, если мы заберем его обратно."

А'Ань открыл глаза и обнаружил, что все еще жив.

Он слегка пошевелился, на некоторое время почувствовав головокружение.

"Ты потерял слишком много крови, тебе нельзя двигаться." - раздался мягкий голос рядом с ним.

А'Ань повернул голову, и в его глазах постепенно прояснилось.

Он находился в светлой и благоухающей комнате. Солнечный свет проникал в комнату через оконные решетки и падал на инвалидное кресло, стоящее перед кроватью.

Человек сидел в инвалидном кресле.

"Прости." - сказал мужчина: "Мы отпустили тебя, чтобы посмотреть, сможем ли мы поймать твоего учителя Цзе через тебя."

Я думал, что если они не свяжутся с тобой, то действительно отпустят тебя, но я не ожидал, что твой учитель просто захочет лишить тебя жизни без колебаний.

Прости."

Мужчина произнес слова извинения.

Странное чувство зародилось в сердце А'Аня.

Разве это не нормально - использовать его?

Он был пешкой, которую можно было использовать.

Учитель часто говорил, что, когда от теневого стража больше нет никакой пользы, это его конец.

Кажется, перед ним извинились впервые в жизни.

"Хорошенько позаботься о своих ранах, и когда справишься от них, я пришлю кого-нибудь, чтобы забрать тебя. На этот раз я действительно отпускаю тебя." - тихо сказал мужчина: "Ты хочешь куда-нибудь пойти? Если нет, я могу отправить тебя в Страну Чу или провинцию Лянчжоу. Они находятся далеко от Государства Сун, и ты сможешь жить там со спокойной душой."

Хотя когда-то этот человек был убийцей, который хотел убить его самого, Чжоу Цзыси все еще чувствовал себя неуютно в глубине души, сотрудничая с А'Цзя, чтобы воспользоваться этим юношей, который начал ему доверять.

Он медленно закончил говорить, развернул инвалидное кресло и приготовился уйти.

Но обнаружил, что несколько бледных пальцев вцепились в его рукав.

Чжоу Цзыси остановился и посмотрел на А'Аня, который лежал на кровати.

А'Ань открыл рот, и на этот раз у него наконец-то получилось сказать эти слова:

"Я... я не хочу ехать в Страну Чу, могу я... остаться рядом с тобой?"

<http://tl.rulate.ru/book/51810/3187582>